

Дело при Ляхове 9 ноября 1812 г.

Знаменитый бой у дер. Ляхово, в итоге которого силами четырех русских летучих отрядов была пленена бригада генерала Ж.П. Ожеро, безусловно, известен даже рядовому читателю, так что обращение к данной теме может показаться странным. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что для авторов подавляющего большинства сочинений единственным источником послужил увлекательный рассказ одного из участников боя — Д.В. Давыдова. Только А.И. Михайловский-Данилевский и М.И. Богданович использовали некоторые другие русские источники. Последующие же историки попросту перелагали изложения трех упомянутых авторов (вместе с имеющимися в них неточностями)ⁱ.

Между тем элементарный принцип научной объективности требует учета сведений, исходящих с обеих сторон. Еще к столетнему юбилею войны А. Шюке опубликовал несколько документов, прямо или косвенно относящихся к этому делу; немало замечаний о нем содержится и в различных мемуарах. Все эти источники остались вне поля зрения отечественных историков; лишь Н.А. Троицкий в одном из примечаний в своей известной монографии упомянул о некоторых документах, изданных Шюкеⁱⁱ.

Кроме того, бой у Ляхова описывается историками, как правило, изолированно, без учета общей, сложившейся на тот момент обстановки. Он оценивается исследователями только как «замечательный пример боевого содружества партизан, инициативы, взаимной поддержки» и как «самая крупная за весь 1812г. партизанская операция», и редко можно встретить указания на прямые и отдаленные последствия этого боя.ⁱⁱⁱ Ни в одной из отечественных книг читатель не найдет точных данных как о составе и численности войск противника, так и об их расположении. Думается, все эти обстоятельства вполне оправдывают наше обращение к данной теме.

Прежде всего следует выяснить, каким образом противники оказались в данный момент времени в указанном месте и какими силами они располагали.

Начиная осознавать тщетность своих надежд на заключение мира в Москве и исподволь готовя себе пути отхода к Смоленску, Наполеон еще 10 октября отдал приказ задерживать там отряды и транспорты. Старая дорога должна была служить только для эвакуации. Из войск, находившихся в Смоленске, император приказал сформировать под командованием генерала Л. Барагэ д'Илье сильную дивизию, готовую отправиться в Вязьму или в другом направлении, какое он укажет. Одновременно было приказано подыскать две другие дороги, параллельные Смоленскому тракту, удаленные от него на 2-3 лье, но сходящиеся с ним в главных этапных пунктах^{iv}.

Дивизия, которая начала формироваться согласно этому приказу под началом дивизионного генерала, генерал-полковника драгун графа Луи Барагэ д'Илье, включала 1,2,4 маршевые полубригады из 1-й резервной дивизии, а также маршевый полк гвардии, французский маршевый кав. полк, польский кав. полк, роту саперов и 6 ти орудийную батарею. 17 октября Барагэ получил приказ оставить город, и генерал-губернатором Смоленской провинции вместо него стал генерал А.Ф. Шарпантье. 22 октября эта импровизированная дивизия двинулась на Ельню (в 88 км от Смоленска), имея задачей собирать запасы для армии и учреждать магазины продовольствия. Следом за ней по той же дороге пошли транспорты для армии^v. Дивизия Барагэ вытеснила из Ельни отряд Калужского ополчения и расположилась в этом районе. Согласно позднейшим показаниям Ожеро, «корпус генерала Барагай-Гиллери, в котором он находился, имел секретное повеление открыть и устроить новую военную дорогу от города Ельни до города Калуги, что ясно доказывает намерение главной французской армии по выходе из Москвы следовать на Калугу и далее и чрез то овладеть изобильнейшими губерниями»^{vi}. Мы не нашли подтверждений этой версии, которая кажется нам довольно сомнительной: возможно ли посылать всего лишь одну дивизию на 300 км в глубь вражеской территории. Но главное заключалось в другом: Наполеон не смог пробиться через Малоярославец, поляки были отбиты возле Медыни, и французская армия была вынуждена возвратиться на прежнюю коммуникацию.

После возвращения французской армии на Смоленский тракт русское командование полагало, что Наполеон «будет стараться во что бы то ни стало сойти с разоренной столбовой дороги и отступить по другому направлению. Для этого могла служить ему дорога из Дорогобужа через Ельню и Мстиславль к Могилеву, на которой уже стояла у Ельни дивизия

Барагэ д'Илье. По мнению Толя, надлежало нам не допустить неприятеля перейти на сей путь, и вернейшим средством к тому казалось движение нашей армии от Быкова на Ельню»^{vii}. Сообразно этому главные силы Кутузова направились на Ельню, южнее Смоленской дороги следовал авангард Милорадовича; левее его действовали два летучих отряда — Ожаровского и Орлова-Денисова. На этой же территории оперировали и партизанские отряды Д. Давыдова, А. Сеславина и А. Фигнера.

В этой ситуации положение дивизии Барагэ стало очень опасным. 1 ноября из Вязьмы император посылает генералу приказ быть начеку и в случае появления превосходящих сил противника отходить на Смоленск. Однако связь с дивизией была прервана русскими партизанами, и Барагэ «очутился со своими войсками в незнакомой области и перед лицом неприятеля, осмелевшего после успеха под Малоярославцем»^{viii}. В своих письмах к супруге от 31 октября и 4 ноября генерал сетовал на эту ужасную войну, биваки на морозе, нужду и холод, которые еще хуже русских, и на недостатки в военной подготовке своих солдат^{ix}. Под давлением отряда Калужского ополчения генерал-майора В.М. Яшвиля последний отряд французских войск оставил Ельню в 3 часа ночи с 4 на 5 ноября^x. В тот же день 5 ноября генерал Ожеро получил от Барагэ приказ занять со своей бригадой дер. Ляхово. Арьергард же дивизии отошел к Балтутино, и она, таким образом, оказалась растянутой на 15 верст (Наполеон в тот день находился в Дорргобуже). «Плохое состояние французской конницы, — считает Богданович, — не позволило неприятелю охранять свое расположение понадлежащему — разездами; французы не знали ни о движении мимо них отряда графа Ожаровского, ни о прибытии в соседство их наших партизан»^{xi}.

О возникновении плана нападения на бригаду Ожеро подробнее всего рассказал Д. Давыдов. 6 ноября в селе Богородицком он расстался с Орловым-Денисовым, направившимся к Соловьевой переправе, а 7 ноября на марше к Дубовищам (правильно: Дубосищи) захватил нескольких французских отборных жандармов, которые сообщили ему «о корпусе Барагэ-Дильера, расположенном между Смоленском и Ельнею». Вскоре к Давыдову присоединились со своими отрядами Сеелавин и Фигнер, которые, впрочем, в своем рапорте уверяют, что соединились с ним в Дубосищах еще 5 ноября.

Высланные в ночь с 7 на 8 ноября разезды установили, что «неприятельские отряды под командою генералов Барагэ-Дилье, Ожеро и Шарпантье находятся в селах Язвине, Ляхове и Долгомостье». Партизаны решили атаковать сильнейший (как они пишут) отряд Ожеро в две тысячи человек пехоты и частью кавалерии. Но поскольку их общие силы составляли всего 1200 чел. пехоты, 80 егерей и 4 орудия, то они решили пригласить на удар Орлова-Денисова. 8 ноября партизаны двинулись маршем в Белкино, куда и позвали генерала^{xii}.

Если рассказы троих партизан в целом совпадают, то в донесениях генерал-адъютанта графа В.В. Орлова-Денисова (от 8 и 9 ноября) акценты расставлены иначе. Возвращаясь от* Соловьевой переправы и проходя через село Дубосище, — пишет он, — «осведомился я что неприятель в силах от 5000 и до 7 000 находится в Язве на Еленской дороге...полагаю атаковать онаго с тылу, обойдя чрез Менчано к Ляхову, тем более решаюсь я на сие, что 3 партизанских партии Давыдова, Фигнера и Сеславина находятся от меня в недалнем разстоянии». «Узнал я. — пишет он в следующем рапорте, — что неприятель в числе 9000 чел., разделяясь на три части, занимал большую дорогу от Ельни к Смоленску лежащей, не имея способа действовать далее к Смоленску, дабы не оставить у себя неприятеля в тылу, и, узнав, что отряды полковника Сеславина и подполковника Давыдова и Фигнера находятся в недалнем от меня разстоянии, я предписал им соединиться в с. Козлове, для совместнаго нападения на неприятеля»^{xiii}. Как видим, Орлов-Денисов настойчиво подчеркивает, что инициатива исходила от него и что именно он руководил всем предприятием. Нет ничего невозможного в том, что генерал узнал о присутствии неприятеля помимо партизан, однако нет оснований сомневаться и в том, что его могли пригласить; но Орлов-Денисов предпочел об этом умолчать. Одним словом, идея висела в воздухе, и отныне спор пошел о том, кто же первым за нее ухватился.

Как бы то ни было, но к утру 9 ноября партизаны объединили свои силы. Отряд Орлова-Денисова насчитывал 6 казачьих полков, Нежинский драгунский и 4 орудия донской конной артиллерии, всего — 2000 чел. В целом русские войска насчитывали около 3300 чел. Численность и расположение французских войск в русских источниках освещены лишь в общих чертах, и во многом ошибочно. Французские источники позволяют точно восстановить ситуацию.

9 ноября войска Барагэ располагались таким образом: Балтутино занимал аррьергард (200 чел. пехоты) из 2-й полубригады и эскадрон польских егерей (80 всадников). Дер. Холм охраняли 300 пехотинцев той же полубригады и 300 французских улан (9, 10,11 маршевые эск.) Два других батальона 2-й полубригады (более 1000 чел.) с одной пушкой и одной гаубицей занимали возвышенность позади дер. Холм. В селе Язвино были размещены: два маршевых батальона гвардии(шеф батальона Пеле, 900-966 чел.), 4-я маршевая полубригада (400-550 чел.), отряд польской пехоты, 200 конных гвардейцев, три пушки и одна гаубица. Ляхово занимал генерал Ожеро с 1-й маршевой полубригадой в 900 чел. (сам Ожеро определил ее численность в 1100 чел.). Она состояла из трех батальонов, составленных из отдельных рот 5-х батальонов различных полков 1-го корпуса; т.е. фактически это был полк, да еще сводный (маршевый), без артиллерии. Кроме того, Ожеро располагал кавалерией: три эскадрона кирасир и два эскадрона егерей. Их позиция в точности не известна, предполагают, что кавалерия размещалась в деревне позади Ляхово. Судя по рассказу Давыдова, в самом Ляхово находились только конные егеря. Итак, численность отряда Ожеро можно определить в 1600 чел., так что партизаны, а вслед им и историки явно завышали численность неприятеля, доводя его до 2,5-3 тыс.чел.^{xiv} Расположение войск Барагэ показывает, что дивизия была растянута почти на 20 км. Для полноты картины следует также учесть ее изолированное положение(см. карту). Великая армия уже отступила за Днепр, а главные силы русских двигались именно южнее Днепра. Авангард Милорадовича и Главная армия Кутузова находились в 20-35 км от дивизии Барагэ. Учитывая все это, трудно говорить, что бой у Ляхово происходил в глубоком тылу французской армии.

Утром 9 ноября партизанские вожди стягивали свои силы и готовились к атаке. Между тем на рассвете был атакован французский пост у Балтутино. Извещенный об этом Барагэ отправился на возвышенность у дер. Холм, чтобы лично выяснить обстановку. Он направил одного гусарского офицера к Ожеро, чтобы предупредить его о движении русских. Этот офицер нашел войска в Ляхове уже под ружьем, так как они были атакованы казаками. Когда офицер возвратился, Барагэ все еще находился на возвышенности. Было около часа дня. В этот момент со стороны Ляхова послышалась ружейная стрельба и сразу затем канонада. Вскоре из Язвино примчался адъютант генерала Ж.Б. Равьера, извещавшего дивизионного начальника об атаке на Ляхово. После этого Барагэ возвратился в Язвино^{xv}.

Время появления русских и начало их атаки Ожеро определяет в 10 час. утра. Русские источники приводят более позднее время. «По соединении всех отрядов, — пишет Орлов-Денисов, — решился я немедленно атаковать центр неприятельских сил, отделя его от его флангов. В 12 ч. поутру двинулся к с. Ляхову, из которого неприятель в сильном количестве кавалерии и пехоты выступил против меня, и сражение началось»^{xvi}. Примерно так же определяет время начала атаки Д.Давыдов, отряд которого первым двинулся в наступление «наперерез Смоленской дороге, дабы совершенно преградить отряду Ожеро отступление к Барагэ-Дильеру, занимавшему Долгомостье».

Поскольку егеря Сеславина еще не подоспели, вместо них для действия в пешем строю были назначены казаки из отряда Давыдова, имевшие ружья. В Ляхове все пришло в смятение, французы спешно строились в колонны и выслали стрелков. Давыдов развернул полк Попова 13-го и партизанскую команду, «чтобы закрыть движение подвигавшихся войск наших, а Чеченского с его полком послал на Ельненскую дорогу, чтобы пресечь сообщение с Ясминым, где находился другой отряд неприятеля». К стрелкам Давыдова прискакал Сеславин с 4 орудиями поручика Шилля и «открыл огонь по колоннам неприятельским, выходящим из Ляхова, и продвинул гусар своих для прикрытия стрелков и орудий. Партии его и Фигнера построились позади сего прикрытия. Орлов-Денисов расположил отряд свой на правом фланге партий Фигнера и Сеславина и послал разьезды по дороге в Долгомостье»^{xvii}.

По словам Фигнера и Сеславина, Орлов-Денисов, «разделив свой отряд надвое, стал между Язвином и Ляховым и между Ляховым и Долгомостьем. Неприятель, усмотревший нас, к своему несчастью, поздно, в беспорядке торопился занимать высоту, с которой был сбит нашими орудиями, занявшими мгновенно возвышение. В первом страхе ретировался неприятель в деревню; но поражаемый нашею артиллерией), почувствовал сколь бедственна ему высота нам уступленная; он решился возвратить оную двумя колоннами пехоты». «Неприятель, — пишет Давыдов, — невзирая на пушечные выстрелы, выходил из села, усиливал стрелков, занимавших болотистый лес, примыкающий к селу, и напирал на правый фланг наш главными силами»^{xviii}.

Тем временем Сеславин сменил пеших казаков Давыдова прибывшей ротой егерей

капитана Келлермана. Партизаны позволили двум неприятельским колоннам (под командой майора де Траси) перейти мост, после чего «отрезали их от онаго скрытою за горою кавалериею», которая получила от Сеславина приказ ударить на неприятельскую колонну, «покушавшуюся на стрелков наших». «Ахтырского гусарского полка поручик Горский и Елизаветградского полка поручик Редкий с эскадронами своими кинулись на неприятельскую кавалерию, первыми врезались в оную и отличились в храбрости и благоразумии»^{xxix}.

Русские гусары вогнали вражескую конницу в лес, где находилась французская пехота (под командой адъютанта Ожеро капитана Гадана), поддерживавшая огнем свою конницу. «Стрелки наши, — сообщает Давыдов, — бросились за Горским и вместе с ним начали очищать лес, а стрелки неприятельские — тянуться из онога чистым полем к правому флангу отряда своего». Сеславин добавляет: «20-го егерского полка капитан Келлерман, поручик Звягин и прапорщик Лопатин выгнали неприятельских стрелков из лесу и гнали их до самой деревни». В то же самое время Литовского уланского полка поручик Лизогуб из отряда Фигнера рассыпал своих уланов и ударил на французских конных егерей^{xx}.

Между тем Д. Давыдов приехал на левый фланг, где ему «представили от Чеченского взятого в плен кривого гусарского ротмистра... посланного в Ясмино с уведомлением, что ляховский отряд атакован и чтобы яминский отряд поспешил к нему на помощь». Это был, вероятно, капитан 3-го конно-егерского полка Прево, командир маршевого эскадрона, которого Ожеро послал к дивизионному командиру. «Чеченский донес мне, — продолжает Давыдов, — что он прогнал обратно в село вышедшую против него неприятельскую кавалерию, пресек совершенно путь к Ясмину». По приказу Давыдова казаки подожгли стоявшие отдельно от села сараи, где засела сотня французских пехотинцев. Итак, опрокинутый во всех пунктах неприятель искал спасения в бегстве, но, окруженный со всех сторон, отрезанный от всякого сообщения со своими, не имея и в том успеха и претерпел жестокое поражение. Все поле, на котором было действие, покрыто его телами, стесненный ото всюду бросился он в бегство обратно в д. Ляхово, заняв пехотою все въезды в оную»^{xxi}.

Однако торжествовать победу русским было еще рано, ибо в тот момент «граф Орлов-Денисов уведомлен был, что двухтысячная колонна спешит по дороге от Долгомостья в тыл нашим отрядам и что наблюдательные войска его, на сей дороге выставленные, с поспешностию отступают». Богданович пишет, что сначала для удержания этой колонны был послан полковник Быхалов с двумя казачьими полками; но казаки, встретясь с превосходными силами, принуждены были отступить... Тогда Орлов-Денисов со всем своим отрядом обратился против кирасир, атаковал их Нежинским драгунским и двумя казачьими полками, поддержанными огнем шести конных орудий, и обратил их в бегство». Сам генерал уверял, что истребление сей колонны, состоявшей из пехоты и кавалерии, «отрядом полковника Иловайского 9-го было одним мгновением; не более может быть 50 чел. спаслось бегством, прочие же загнаны в болото, на котором был один только маленький мостик, все пали жертвою своего упорства, обозы их, пороховые ящики и транспорты с фуражом и провиантом достались в руки наши». В этой атаке участвовал и полк из отряда Сеславина. «Казачьего полка войсковой старшина Грецов был в конной атаке против неприятельской кавалерии, идущей на подкрепление, и истребил значительную часть оной. При сем отличились есаул Лиманов и сотники Прохоров и Салынский»^{xxii}.

Заметим, что партизаны упоминают о двухтысячной колонне, состоявшей из пехоты и конницы, а именно кирасир. В рапорте Кутузова Александру I говорится уже о «кавалерии числом 2000 человек», а в позднейшей литературе все они объявлены кирасирами. Досадно, что подобную нелепицу подтвердил своим авторитетом такой уважаемый историк, как М.И. Богданович. Михайловский-Данилевский рассказывает, что французов преследовали пять верст и полностью уничтожили, а «700 кирас, снятых с убитых, доказывали поражение их»; позднее их передали в Псковский драгунский полк. Эта версия кажется нам сомнительной и нуждается в проверке^{xxiii}. Остается неясным, что это был за отряд. Ермолов пишет, что это был «с рекрутскою своею конницею генерал Шарпантье»; вероятно, он опирается на добытые партизанами сведения, будто в Долгомостье находился Шарпантье. Подтверждений во французских источниках мы не нашли, к тому же весьма сомнительно, чтобы в день вступления императора в Смоленск генерал-губернатор Смоленской провинции находился в богом забытой деревеньке. С другой стороны, войск из дивизии Барагэ там тоже не было, если только Ожеро не направил три эскадрона своих кирасир, быть может, для прикрытия транспортной колонны, как можно заключить из рапорта Орлова-Денисова. Ни один источник не упоминает об участии кирасир в бою возле самого Ляхова. Если бы это была двухтысячная

колонна войск, то как можно было разбить ее атакой трех слабых кав. полков, один из которых — Нежинский драгунский — был настолько слаб, что, по словам Д.Давыдова, годился лишь «для декорации какого-нибудь возвышения». Вспомним, что меньшую по численности бригаду Ожеро партизаны смогли одолеть лишь совместными усилиями после многочасового боя.

Как бы то ни было, после разгрома кирасир Орлов-Денисов отрядил полковника Быхалова с двумя донскими полками преследовать остатки неприятеля к Долгомостью, а сам возвратился к Ляхову.

"Ожеро, вероятно, мог воспользоваться этим неожиданным отвлечением части русских сил и прорваться к своим. «Но он оставался в бездействии, довольствуясь отказом в сдаче присланному к нему парламентарю, штабс-ротмистру Чемоданову». После этого партизаны возобновили бой. Наша артиллерия, пишут Сеславин и Фигнер, «не будучи угрожаема стрелками действовала свободно по стеснившейся в деревне пехоте и коннице, наконец, взорвала вдруг все их патронные ящики. Усмотрев, сколь расстроился неприятель последнею потерею, потребовали мы сдачи именем графа Орлова-Денисова». Парламентарем на сей раз отправился Фигнер, причем, судя по контексту рапорта, произошло это еще до возвращения самого генерала. В рапорте Кутузова царю так и сказано: «В продолжении сражения с кавалериею происходили переговоры с окруженным неприятелем». Орлов-Денисов утверждает иное: «По истреблении кавалерии я тотчас поспал парламентаря к засевшему в Ляхове неприятелю с требованием его о сдаче, грозя ему в случае неповиновения совершенным истреблением». Д.Давыдов в тот момент находился на своем левом фланге и готовился из орудия, присланного ему Сеславиным, стрелять по неприятельской колонне. Но тут «граф Орлов-Денисов прислал мне сказать, чтобы я прекратил действие и дал бы о том знать Чеченскому, потому что Фигнер отправился уже парламентарем — к Ожеро в Ляхово. Переговоры продолжались не более часа»^{xxiv}.

Итак, Фигнер, вероятно по собственной инициативе, вел переговоры о капитуляции, но вел их, разумеется, от лица старшего русского начальника. При этом он явно блефовал. «Хотя мы, — пишут партизаны, — окружали его токмо двумя тысячами, неприятель поверил, что нас 15000, и по некотором колебании сдался». Действительно, Ожеро написал императору, что он «был окружен авангардом Главной армии, составлявшим из 15 тысяч человек и 8 орудий подкомандой графа Орлова»^{xxv}.

По уверению Орлова-Денисова, он в это время «отрядил полковника Загряжского и несколько полков Донских казаков к с. Язвино, для наблюдения за неприятелем, который находился там с 6 орудиями, и командует которым генерал Барагедилье; сей отряд неприятельских войск двинулся было на помощь к с. Ляхову, но отраженный полковником Загряжским, принужден был возвратиться в с. Язвино, где и находился в совершенной блокаде». Правда, по заявлению французских офицеров, после возвращения в Язвино Барагэ «не сделал, кажется, никаких распоряжений, чтобы оказать помощь генералу Ожеро», возможно, что «его намерением было дожждаться ночи, чтобы соединиться с генералом Ожеро». Впрочем, нужно учесть, что, по словам Д.Давыдова, уже вечерело, когда начались переговоры о капитуляции, а пленных уводили в ближайшую деревню (вероятно, село Козлове) уже ночью^{xxvi}. Французские офицеры определяют время прекращения боя в 16.30 вечера. Сдались французы на следующих условиях: «1) генерал и офицеры удержат свои шпаги; 2) все чины удержат свою собственность; 3) раненые отвезутся в Можайский госпиталь. Пункты подписаны генералом бароном Ожеро и артиллерии капитаном Фигнером»^{xxvii}.

Ожеро так оправдывал свое решение перед императором: «Многочисленные атаки неприятеля вынудили нас удерживать лишь очень незначительную часть деревни. Наконец, после семи часов очень упорного боя, исчерпав все наши боеприпасы, потеряв очень большую часть моих войск, не имея надежды соединиться с генералом Барагэ д'Илье, поскольку все коммуникации были прерваны значительно превосходящими силами (неприятеля), я вынужден был принять условия генерала графа Орлова, который, вследствие моего упорного сопротивления, считал меня гораздо более сильным. Я сдался в плен с немногими силами, каковые у меня оставались, на условиях следования с воинскими почестями, сохранения всего нашего багажа, а офицерам — их шпаг». В приписке, обращенной к Бертье, он добавил: «Упорный бой, который я выдержал, и почетные условия, которых я добился, послужат мне, смею надеяться, оправданием перед Его Величеством»^{xxviii}. Во всех партизанских донесениях число пленных определяется одинаково:! генерал, 60 офицеров, 2000 рядовых. При этом Орлов-Денисов добавляет, что «гораздо более еще пало на месте сражения».

М.А.Милорадович, авангард которого на следующий день подошел к Ляхову, сообщал, что Орлов-Денисов «взял генерала Ожерова, 60 офицеров и 1500 солдат в плен». В письмах к М.И. Комбурлею и П.Х. Витгенштейну Кутузов увеличил потери противника до 65 офицеров, 2000 нижних чинов пленными и более 2000 убитыми. Эти цифры обычно используются в отечественной литературе, хотя иногда приводятся официальные французские сведения — 19 офицеров и 1650 солдат; впрочем, и эта цифра отражает, вероятно, общее число войск Ожеро без учета понесенных в бою потерь^{xxx}.

Под покровом ночи Барагэ с остатками дивизии поспешно отступил к Смоленску, и сделал он это вовремя, так как на следующий день (10 ноября) к Ляхову подошел авангард Милорадовича, Давыдов со своей партией прошел через Долгомостье, а Кутузов, прибывший с Главной армией в Балтутино, написал Орлову-Денисову, что «с нетерпением ожидает завершения поражения запершегося неприятеля в Язвине, о чем просит немедленно ему донести»^{xxx}.

В день, когда происходил бой у Ляхова, Наполеон прибыл в Смоленск. Он приказал выслать на две мили к югу от города корпуса Понятовского и Жюно. 10 ноября вестфальский корпус, силой чуть более 1500 чел., двинулся через Адамово к Дрозжино, чтобы наблюдать за дорогой на Ельню и поддержать дивизию Барагэ. Ф.В. Лоссберг записал в своем дневнике: «Генерал Барагэ д'Илье имел неудачный бой с русскими, в котором потерял более 1000 человек, не считая отставших от изнеможения, после чего он отступил на нас, а мы последовали за ним». 11 ноября вестфальцы отступили и стали лагерем между Адамово и Смоленском^{xxx}.

А. Деннье сообщает, что в Смоленске «император надеялся получить известия от генерала Барагэ д'Илье, позиция которого стала весьма критической... Дело было как раз у ворот Смоленска, когда один офицер Барагэ д'Илье прибыл доложить императору, что его генерал, атакованный значительными силами, отступает к Смоленску, и что аррьергард силой в 12-15 тыс. человек и 500 коней под командою генерала Ожеро сложил оружие в Ляхове». Император был чрезвычайно разгневан, так как он возлагал большие надежды на это соединение. Дивизия Барагэ включала подкрепления для всех корпусов, и потому, писал губернатор Смоленска генерал А. Жомини, «рассчитывали, что вид этих дисциплинированных и находящихся в полном порядке солдат поднимет дух ветеранов и побудит их не покидать своих мест в рядах». Секретарь-переводчик императора Э. Лелорнь д'Идевилль писал в те дни герцогу Бассано: «Генерал Барагэ д'Илье находился весьма кстати на дороге в Ельню для сдерживания отдельного корпуса под начальством казачьего графа Орлова Денисова, который командует 12-ю донскими полками, двумя — регулярной кавалерии и, может быть, одной пехотной дивизией»^{xxxii}. И вот часть этих войск сложила оружие, и перед кем?! Перед партизанами!

11 ноября Наполеон приказал расформировать дивизию Барагэ, а остатки войск, ее составлявших, — 3993 чел., 858 коней — присоединить к соответствующим корпусам; Барагэ было велено принять командование в Кенигсберге вместо Луазона^{xxxiii}. Но разгневанный император этим не ограничился. 13 ноября он велел провести расследование поведения Барагэ. Оно было поручено четырем старшим командирам дивизии: генералу Ж.Б. Равьеру, командиру 2-й маршевой полубригады, начальнику штаба дивизии полковнику Боргезе, майору 2-й полубригады д'Амбружеаку и шефу батальона Пеле, который, впрочем, отсутствовал. Расследование состоялось в тот же день. Вот что ответили офицеры на некоторые вопросы.

2-й вопрос. Почему генерал Ожеро был отослан на расстояние одного лье, не имея артиллерии? Ответ. Не известно; однако 8-го вечером у генерала Барагэ д'Илье было намерение послать ему две пушки.

6 и вопрос. В течение какого времени слышалась стрельба генерала Ожеро? Ответ. Ружейная стрельба началась в час дня, и вскоре затем — канонада. С 16.30 орудий больше не было слышно; но стреляли еще глубокой ночью справа от Ляхова.

7-й вопрос. Был ли генерал Барагэ д'Илье атакован одновременно с генералом Ожеро? Был ли он атакован силами пехоты и кавалерии, достаточно превосходящими, чтобы помешать ему соединиться с генералом Ожеро? Ответ. Пост у Балтутино был атакован на рассвете; он возвратился в Холм в полдень, и в это время неприятель появился перед Холмом и Язвино. Нижеподписавшиеся офицеры, не видя вовсе пехоты, считают, что генерал Барагэ д'Илье мог соединиться с генералом Ожеро, и они убеждены, что он этого не сделал потому, что был уверен, что генерал Ожеро, будучи атакован (только) артиллерией и кавалерией, сможет удержаться на своем посту; они полагают также, что его намерением было дожидаться ночи,

чтобы соединиться с генералом Ожеро.

8-й вопрос. Какие силы выявились у противника в пехоте, кавалерии и артиллерии?
Ответ. Впереди Холма виднелись два полка улан и множество казаков. Слева от Язвино наблюдались с утра три колонны пехоты, составлявшие около 1200 чел. Все эти войска оставались возле этих двух деревень и им угрожали в течение всей атаки на Ляхово. ...Неприятель стрелял в Язвино одной пушкой и одной гаубицей; две или три пушки были использованы в атаке на Ляхово^{xxxiv}.

В последних ответах не все сходится. Сначала офицеры уверяют, что вовсе не видели русской пехоты, а затем говорят о ее присутствии возле Язвино. Пока сложно сказать, что это были за войска, быть может, из отрядов Ожаровского или Яшвиля; но в любом случае ясно, что они помешали Барагэ оказать помощь окруженной бригаде. Это, впрочем, не снимает с Барагэ обвинения в нерешительности. Указанное расследование пришло к выводу, что Барагэ оставил своего подчиненного без артиллерии и, вместо того чтобы оказать ему помощь после полудня, решил дожидаться наступления ночи; а за это время Ожеро, отрезанный от своих, потерпел неудачу.

Спустя несколько минут после ознакомления с итогами расследования Наполеон приказал, чтобы Барагэ был отстранен от должности и отправлен под арест в одно из своих имений во Франции. Многие близкие к императору лица — Сепор, Фэн, Меневаль, Деннье, Гурго — были свидетелями императорского гнева, но наиболее точно и подробно изложил раздраженное состояние правителя А. Коленкур. «Император, — пишет он, — рассчитывал на корпус Барагэ д'Илье, недавно прибывший из Франции; он дал ему приказ занять позиции на дороге в Ельню; но авангард Барагэ д'Илье занял невыгодную позицию в Ляхове; им командовал генерал Ожеро, который плохо произвел разведку и еще хуже расположил свои войска... Неприятель, следивший за Ожеро и, кроме того, осведомленный крестьянами, увидел, что он не принимает мер охраны, и воспользовался этим; генерал Ожеро со своими войсками, численностью свыше 2-х тыс. человек, сдался русскому авангарду, более половины которого он сам взял бы в плен, если бы только вспомнил, какое имя он носит». Чувствуется, что император был особенно уязвлен тем, что сдавшийся генерал Ж.П. Ожеро был единокровным братом знаменитого маршала П.Ф.Ш. Ожеро, в корпус которого и входила его бригада. Заметим, что и Д.Давыдов был «уверен, что если бы при наступлении ночи генерал Ожеро свернул войска свои в одну колонну, заключа в средину оной тяжести отряда своего, и подвинулся бы таким порядком большою дорогою... — все наши покушения остались бы тщетными. Иначе ничего сделать мы не могли, как конвоировать его торжественно до корпуса Бараге-Дильера и откланяться ему при их соединении».

«Эта неудача. — продолжает Коленкур, — была для нас несчастьем во многих отношениях. Она не только лишила нас необходимого подкрепления свежими войсками и устроенных в этом месте складов, которые весьмагодились бы нам, но и ободрила неприятеля, который...не привык еще к таким успехам. Император и князь Невшательский во всеуслышание объясняли эту неудачу непредусмотрительностью генерала Барагэ д'Илье, который, как они говорили, сам лично ничего не осмотрел, но главным образом они приписывали ее бездарности генерала Ожеро. Офицеры, которые побывали там... отнюдь не оправдывали обоих генералов. Что касается императора, то он счел это событие удобным предлогом, чтобы продолжать отступление и покинуть Смоленск».

В ночь на 15 ноября в разговоре с Коленкуром император «снова горько жаловался на генерала Барагэ д'Илье, неумелым действиям которого он приписывал потерю большей части корпуса, находившегося в Смоленске. Он возлагал на него ответственность за то, что теперь необходимо продолжить отступление и терять линию Витебск-Орша, которую он прежде надеялся удержать. Недовольство императора в немалой мере объяснялось... также тем впечатлением, которое эти события произвели на армию.

«Со времен Байлена, — повторял император, — не было примера такой капитуляции на открытом поле». «После Смоленска император говорил нам, что успех, одержанный русским авангардом над генералом Барагэ д'Илье, вскружит всем голову и Кутузов будет вынужден выйти из своего пассивного состояния. Он не ошибся»^{xxxv}.

Разгневанный император был не совсем объективен. Оставление операционной линии Витебск-Смоленск-Орша было обусловлено не только неудачей Барагэ. В то же самое время Наполеон получил сообщения о жестоком поражении корпуса Е. Богарнэ под Духовщиной, об отступлении Сен-Сира, о потере Витебска, что, по словам А.Пасторе, также вызвало в нем бурю негодования. Впрочем, нетрудно понять, почему именно Барагэ был сделан «козлом

отпущения». Его поведение можно объяснить, но нельзя оправдать. «Этот офицер, — говорил Наполеон, — вел себя непостижимым образом и позволил у себя на глазах взять бригаду Ожеро». В своем донесении в Лондон лорд В. Кэткарт язвительно заметил, что Барагэ «терпеливо слушал канонаду в течение нескольких часов», но помощи не оказал. Поступок Барагэ казался настолько необъяснимым, что возникли даже нелепые слухи о его поведении^{xxxvi}.

«Отступление Барагэ д'Илье, — подчеркнул Михайловский-Данилевский, — оставило Смоленск совсем без защиты с южной стороны, откуда, между тем, подходила Главная русская армия. В этом заключалась особенная важность дела под Ляховым». По признанию Ф. Сепора, поражение Барагэ открыло дорогу, «по которой Кутузов мог раньше нас прибыть в Красный». Кроме того, следствием поспешной ретирады Барагэ д'Илье было то, что 11 ноября были взяты два магазина, которые французы не успели вывезти, — под Клементьевом и Князем, а 13 — ноября магазин в Пронине^{xxxvii}.

М.И. Кутузов был весьма обрадован результатами боя под Ляховом и в рапорте царю дал очень высокую оценку сей виктории: «Победа сия тем более знаменита, что при оной еще в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам». Фельдмаршал явно преувеличивал и лукавил. Он не только назвал бригаду корпусом, но и почему-то «забыл» о том факте, что еще 27 июля войска Торماسова взяли в плен бригаду генерал-майора Г.Х. Кленгеля из 22-й саксонской дивизии, числом в 2458 чел.^{xxxviii} Конечно, то были не французы, а немцы, и взяты они были не партизанами, но регулярными войсками, но главное — Кутузов еще не был Главнокомандующим. В тогдашней же ситуации ему важно было всячески подчеркивать значение побед русских войск, чтобы отвести от себя постоянные упреки в медлительности и бездействии.

Как нередко случается, победители не смогли «по справедливости» поделить почетные лавры. Так, Д.Давыдов считал, что победная реляция «послужила в пользу не нам, а Фигнеру, взявшему на себя доставление пленных в главную квартиру и уверившему светлейшего, что он единственный виновник сего подвига. В награждение за оный он получил позволение везти известие о сей победе к государю императору, к коему он немедленно отправился». В награду за такое радостное известие артиллерии капитан Фигнер был произведен в подполковники, с переводом в гвардейскую артиллерию. Но больше всех возмущался несправедливым распределением наград старший из русских начальников. Хорошо информированный о разного рода интригах А.П.Ермолов пишет: «Генерал-адъютант граф Орлов-Денисов доносил, что по болезни не в состоянии заниматься бывшим в его распоряжении отрядом, просил о передаче его. Не скрывая негодования своего он принимал за оскорбление, что при разбитии рекрутского депо генерала Ожеро и рассеянии других его частей, признано содействие наших партизанов, а не ему одному приписан весь успех». Действительно, документы Главной квартиры свидетельствуют, что в трактовке событий у Ляхово там отдали предпочтение версии Сеславина и Фигнера, признавая тем самым самостоятельность партизанских начальников. 14 ноября Кутузов «с сожалением осведомился о "болезни" Орлова Денисова и отпустил его для излечения, поручив его летучий корпус генералу Бороздину. О том, что никакой "болезни" не было, свидетельствуют победные реляции и рассказ Д.Давыдова. 15 ноября отряды Давыдова и Орлова-Денисова взяли множество пленных, в том числе трех генералов, но безуспешно атаковали колонны старой гвардии. «Я как теперь вижу, — пишет поэт партизан, — графа Орлова-Денисова, гарцующего у самой колонны на рыжем коне своем, окруженного моими ахтырскими гусарами и ординарцами лейб-гвардии казацкого полка... После сего поиска мы отошли в Хиличи, где граф Орлов-Денисов сдал отряд свой присланному на его место генерал-майору Бороздину»^{xxxix}.

Наполеон долго еще помнил о поражении у Ляхово и продолжал сердиться на Барагэ д'Илье. Возвратясь в Париж, он спросил 3 января 1813 г., получил ли военный министр указ, отданный 13 ноября в отношении этого генерала. До суда, однако, дело не дошло, так как 6 января Барагэ умер от отчаяния в Берлине. Он знал, что его осуждали, и, как пишет Гурго, для такого щепетильного в вопросах чести генерала и доброго француза, как Барагэ д'Илье, несчастье быть преданным суду могло иметь губительное влияние на его уже очень расстроенное здоровье. Свидетельство о смерти гласит: «воспалительная и нервная лихорадка». 7 января маршал Ожеро сообщил А. Бертье о смерти генерала и о том, что он был похоронен в католической церкви Берлина, причем была организована почетная похоронная процессия, соответствующая его званию. 16 января Бертье официально известил императора о смерти генерал-полковника драгун и предложил на эту должность генерала Латур-Мобура. Наполеон

по-прежнему был зол на Барагэ: он не согласился с формулировкой причин его смерти, предложенной военным министром: «умер в Берлине 6 января вследствие тягот последней кампании». И только в виде исключения » (таково было выражение указа) он признал 2 августа 1813 г. пожизненную пенсию в 3000 франков для вдовы генерала Барагэ д'Илье^{xi}.

Не забыл император и о другом виновнике поражения. 3 февраля 1813 г. он написал военному министру: «Я получил рапорт генерала Ожеро. Этот генерал поступил очень дурно. Следует отстранить его от должности, а решение по этому делу отложить до того времени, когда можно будет его выслушать»^{xii}. От должности Ожеро был отстранен,ⁱ но выслушать его императору так и не пришлось, поскольку генерал возвратился из русского плена лишь 15 августа 1814 г. Хотя Наполеон считал Ожеро «весьма посредственным», однако нужда заставила его назначить генерала 9 июля 1815 г. командиром бригады в обсервационный корпус Вара к маршалу Брюну. В отставку Ожеро вышел генерал-лейтенантом в 1824 г., а умер 25 сентября 1836 г.

Итак, в деле у Ляхово русские командиры проявили инициативу, решительность и упорство в достижении цели. Действуя почти исключительно кавалерией, партизаны сумели блокировать часть войск противника и отбить его контратаки, при этом недостаток в пехоте был компенсирован активными действиями артиллерии. Честолюбивое стремление к первенству не помешало партизанским вождям объединиться ради достижения общей цели. Внезапно атакованный неприятель поначалу растерялся и не проявил достаточного упорства в обороне. Маршевые батальоны Ожеро были малообученными и слабо сплоченными, к тому же не имели артиллерии, а его конница, вероятно, была разделена на две части, и вместе с пехотой действовали только конные егеря. Если Ожеро проявил недостаточную твердость духа, то поведение дивизионного начальника воистину было «непостижимым». Он растянул свои войска на слишком большом пространстве. Располагая 5000 чел. пехоты и кавалерии и 6-ю орудиями, он был обязан оказать помощь своему авангарду, а не тешить себя сомнительной надеждой, что Ожеро сможет устоять против одной кавалерии и артиллерии. Бездеятельность Барагэ не имеет оправданий. В то же время нет оснований винить Барагэ во всех грехах, как это сделал разгневанный император. Бесспорно, что его поражение и поспешная ретирада обнажили главную коммуникационную линию (а в тогдашних условиях — уже единственный путь отступления) Великой армии, однако оставление Смоленска было обусловлено не только этим, а целым рядом причин. Почти вся Главная русская армия подходила к Смоленску с юга, и собранная «с бору по сосенке» дивизия Барагэ не могла бы устоять даже против ее авангарда. Поражение у Ляхово было для французов неудачей тактического масштаба, но к тому времени они уже почти проиграли кампанию стратегически.

Примечания

ⁱ Давыдов Д. В. Стихотворения. Проза. М., 1987; Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 г. СПб., 1839; Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 3. СПб., 1860; Вороновский В. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912, с. 203-206; Грачев Б. И. Смоленск и его губерния в 1812. Смоленск, 1912, с. 149-150; Кочетков А. Н. Партизанская война // 1812 год. Сб. статей. М., 1962, с. 177-178.

ⁱⁱ *Stiquet A.* La Guerre de Russie. Т. 1. Р., 1912; *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 1988, с. 342, прим. 202. Рапорты Орлова-Денисова, Сеславина и Фигнера опубликованы в кн.: Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. XIX. С. Пб., 1912. В кн.: Хатаевича Н. Л. «Партизан А. Р. Сеславин» (М., 1973) использованы наградные документы, написанные Сеславиным.

ⁱⁱⁱ *Троицкий Н. А.* Указ. соч., с. 232; Полководец Кутузов. Сб. статей. М., 1955, с. 364;

^{iv} *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 2. Krakow, 1937. S. 294.

^v *Kukiel M.* Op. cit., S. 299; *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. Т. 2. Р., 1839, p. 211; *Osten-Sacken.* Der Feldzug von 1812. В., 1901, S. 171, 333; *Chuque A.* Ordres et apostilles de Napoleon. Т. 2. Р., 1911, p. 459, 468; Correspondance. 192281.

^{vi} Кутузов М. И. Сб. документов. Т. IV, ч. 2. М., 1955, с. 248.

^{vii} *Богданович М.И.* Указ. соч., с.85.

^{viii} *Kukiel M.* Op. cit., S. 335; *Chambray G.* Op. cit., p. 359; *Denniée A.* Itineraire de l'empereur Napoléon... P., 1842, p. 125.

^{ix} *Gorjainow.* Lattres interseptées par les Russes. P., 1913, p. 343-344.

^x Начальник Калужского ополчения генерал Шепелев сообщил, что это был отряд генерала Шампаньи. В Великой армии такового не было. Историк Бабкин ничтоже сумняшеся повторяет эту выдумку и даже пишет, что этот самый отряд Шампаньи был затем разгромлен у Ляхова, хотя позже именуется «крупной группой войск генерала Ожеро». См.: *Бабкин В.И.* Народное ополчение в Отечественной войне 1812г. М., 1962, с. 160-161, 173.

^{xi} *Богданович М.И.* Указ. соч., с.92.

^{xii} *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с. 287-294; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.116.

^{xiii} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.114-115. В Главной квартире, похоже, предпочли версию партизан, так как «Журнал военных действий» сообщает, что Орлов-Денисов, узнав о неприятеле, «немедленно присоединился к партизанам...которые находились уже в селении Дубасицах» (Кутузов М.И. Т.IV, ч.2, с.247. Неслучайно Д.Давыдов, перечислив все деревни в округе, упорно «не может припомнить» название села Козлово, куда предписал им явиться Орлов-Денисов, из подчинения которому, кстати, Давыдов с помощью хитрости ускользнул за несколько дней до этого. См.: *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с. 287-288, 294, 299).

^{xiv} *Chiquet A.* La Guerre...p.131, 134, 135; Полководец Кутузов, с.316; *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974, с.289.

^{xv} *Chiquet A.* Op. cit., p. 136-137.

^{xvi} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.115.

^{xvii} *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с.295-296.

^{xviii} Отечественная война 1812г. Материалы ВУА, с.116; *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с.296.

Ожеро, вероятно, потому атаковал в этом направлении, что хотел соединиться с частью своих войск, выдвинутых к Долгомостью; дивизионный же начальник уже должен был знать о появлении казаков от своего адъютанта, недавно побывавшего в Лякове, и Ожеро надеялся на его помощь.

^{xix} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.116; *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с.296-297; *Хатаевич Н.Л.* Указ, соч., с.61.

^{xx} *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с. 297; *Хатаевич Н.Л.* Указ. соч., с.62.

^{xxi} *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с.298; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.115.

^{xxii} *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с.298; *Богданович М.И.* Указ, соч., с.94-95; Отечественная война 1812г. Материалы ВУА, с. 115-117; *Хатаевич Н.Л.* Указ. соч., с. 62.

^{xxiii} *Кутузов М.И. Т.IV, ч.2, с.254; Богданович М.И. Указ. соч., с.94.* П. Пущин записал в дневнике 30 октября (11 ноября): «Орлов-Денисов уничтожил полк французских кирасир и прислал 800 кирас главнокомандующему. Наши три партизана — Сеславин, Фигнер и Давыдов, соединив свои отряды, напали на склад императорской гвардии Наполеона, взяли 2000 пленными» (*Пущин П. Дневник.* Л., 1987, с. 70). Трудно представить себе казаков, снимающих в пылу боя кирасы с поверженных неприятелей; общеизвестно, что донцов привлекала совсем иная добыча; в рапорте Орлова-Денисова, написанном сразу после боя, об этих кирасах не упоминается. Так что, вероятнее всего, в этом бою был захвачен большой транспорт, где и обнаружили затем эти кирасы. Напомним, что, например, саксонский полк Гар дю кор вплоть до Москвы не имел кирас и ожидал их прибытия из Варшавы.

^{xxiv} *Богданович М.И.* Указ, соч., с. 95; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.115-117; *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с.299; Кутузов М.И. Т. IV, ч.2, с.255.

^{xxv} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.117; *Chiquet A.* La Guerre..., p.131.

^{xxvi} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.116; *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с.298-299.

^{xxvii} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.116; Ожеро даже не знал, что госпиталь эвакуирован.

^{xxviii} *Chiquet A.* La Guerre..., p. 130-131.

^{xxix} Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА, с.115, 116, 163; Кутузов М.И.

Т. IУ, ч.2, с.264, 270; *Давыдов Д.В.* Указ. соч., с. 184-185; *Chiquet A.* La Guerre..., p.133.

В. Чичерин записал в дневнике, что 11 ноября «светлейший, перегоняя нас, сообщил, что взято еще 29 пушек, 3200 пленными, 130 офицеров из корпуса генерала Ожеро» (См.: *Россия двинулись сыны.* М., 1988, с.254).

-
- ^{xxx} Кутузов М.И.Т. IV, ч. 2, с. 244. Пожелание фельдмаршала не могло осуществиться, так как, по словам Давыдова, «вместо того чтобы немедленно идти к Долгомостью на Бараге-Дильера, встревоженного разбитием кирасиров своих, или обратиться на отряд, стоявший в Ясмине, мы все повалились спать и, проснувшись в четыре часа утра, вздумали писать реляцию». См.: *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с. 299-300.
- ^{xxxii} *Лоссберг Ф.В.* Поход в Россию в 1812г //Военно-исторический вестник. Ли 3, 1912,с.85-86; *Wagner F.L.* Tagebuch//Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. Bd. III, 1899, S.214; Giese F. Tagebuch. Leipzig, 1912, S. 183.
- ^{xxxiii} *Dennie A.* Op. Cit., p.126-127; *Chuquet A.* Lettres de 1812. Ser.1. P., 1911, p.141; *Jomini H.* Précis politique et militaire des campagnes de 1812 et 1813. T. 1.P., 1886, p. 171.
- ^{xxxiiii} *Kukiel M.* Op. cit., S. 352; *Fain A.* Manuscrit de l'an 1812. V. 2. P., p. 295-296; *Meneval Cl.* Memoires. T. 3.P., 1894, p. 80.
- ^{xxxv} *Chuquet A.* La Guerre..., p. 134 – 138.
- ^{xxxvi} *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991, с.224-225, 230, 232; *Давыдов Д.В.* Указ.соч., с.298-299; *Meneval Cl.* . Op. cit., p. 80.
- ^{xxxvii} *Chuquet A.* La Guerre..., p. 138-139; *Marbot.* Memoires. T.3.P., 1891, p. 151
- ^{xxxviii} *Сегюр Ф.* Поход в Москву в 1812 г. М.,1911,с.132; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 г.СПб.,1899,с.394; *Богданович М.И.* Указ, соч., с.95. В примечаниях к мемуарам Ж.П. Деллара, полковника, начальника гарнизона в Клементьевом, имеется рассказ о захвате этого магазина. См.:*Dellard J.P. Mémoires militaires.* .P.,1892,p.276-279.
- ^{xxxix} Кутузов М.И. Т.IV, ч.2, с.256.
- ^{xl} *Давыдов Д.В.* Указ, соч., с. 300, 310-313; Записки Ермолова. М., 1991, с. 237; Отечественная война 1812г. Материалы ВУА, с. 168,169.
- ^{xli} *Chuquet A.* La Guerre...,p.134,139. *Chuquet A.* La Guerre de Russie. T.3, p.329-330.
- ^{xlii} *Chuquet A.* Ordres et apostilles...T.2.P., 1911, p. 509.